

*Гезине Шван,
Европейский университет Виадрины*

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БАНК ИЛИ ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАН? БУДУЩЕЕ УНИВЕРСИТЕТА

Введение

У нас складывается впечатление, что мы живем в переходном времени, на переломе веков, и не только потому, что пишем *2001 год*. За 10 лет после окончания конфликта между Востоком и Западом мир очень сильно изменился. Десять лет назад в мире произошел неожиданный поворот: вместо более или менее всеобщего развития демократии, свобода и благосостояние стали причинами заголовков ужасных статей о войне, насилии и эпидемиях. Всеобщая экономическая глобализация выдвинула нам новые жесткие требования. Мы узнали на собственном опыте, как локальные или региональные группы страстно, нередко применяя насилие, борются за свою идентичность, требуют своей политической автономии. Кажется, что стремительный технологический прогресс безнадежно разрушил все прежние представления о жизни и ценностях, заменяя в некоторой степени природу и живых людей чем-то искусственным. Культурные реакции на эти запутывающие события выражают чаще всего чувство безнадежности и бессмысленности, но во всяком случае противостоят хаосу.

Но стоим ли мы в действительности перед столь радикальным переломом, который отодвинул на задний план все наши прежние усилия и требования, а намерения и цели, на которые мы до сих пор ориентировались, обесценил?

20 лет назад бывший британский премьер-министр Гарольд Макмиллан делал в Вашингтоне доклад по поводу смены президента Картера президентом Рейганом, который переживал тогда «переходный период». Свой доклад он (будучи человеком, которому минуло 80 лет, зрелым государственным деятелем, с достоинством опирающимся на свою трость) начал со следующей истории:

«Это случилось много лет назад в раю, когда змей уговаривал Еву съесть запретный плод с яблони. Ева в свою очередь уговорила Адама сделать то же самое. Увидев это, Бог разгневался и выгнал их из рая. И когда они оба стояли перед воротами из рая и смотрели на дорогу, ведущую на землю, Адам взял Еву за руку и сказал: “Ева, мы сейчас входим в переходный период”. Эту фразу можно было сформулировать иначе: “Ева, сейчас для нас начинается время перемен”».

Макмиллан говорил со своей британской сдержанностью и иронией, опираясь при этом на свой огромный жизненный опыт. Он понимал, что люди в ходе всей истории всегда переживали чувство радикальных и часто глубоко неопределенных перемен. Наивная идея радикального нового века стирается при взгляде на историю, под которой понимаются и к которой относятся не только экзистенциальные качества человеческого бытия – такие, как рождение, смерть, стремление быть счастливым, поражения, любовь, война, справедливость, а также по-прежнему ценные достижения и жизненные перспективы наших предков, которые могут дать нам направление. Находясь в состоянии напряжения от этой двуполюсности новых неоспоримых требований и постоянной значимости старых взглядов, достижений, мне хотелось бы в дальнейшем подумать над вопросом о будущем университета.

Виртуализация университета для будущего научного общества

К утверждениям, которые сегодня ни в коем случае нельзя выпускать из внимания, если хочешь быть на высоте, относится и то, что мы живем в «научном обществе». Знание, как это, впрочем, еще

более 30 лет назад определил американский социолог Дэниэл Белл, становится основой экономического производства. Вывод из этого простой: чтобы быть богатыми и утвердиться в жизни, мы должны располагать по возможности большим объемом знаний и направить все силы в молодости на получение углубленных знаний. Революция в области электроники предлагает нам для этого отличную возможность: с молниеносной скоростью мы можем получить в Интернете огромное количество информации, о котором наши предки могли только мечтать. С помощью электроники мы можем совершать всевозможные комбинации, находить пути и возможности решения вопросов невероятно повышать уровень своих знаний и умений. И размышления о том, что же знание представляет собой на самом деле, как и с чем это теоретически связано, великие кантовские вопросы: Что я могу сделать? На что я могу надеяться? Что я должен делать? – сами собой исчерпываются в будущем. Так, например, Ульрик Хульмель и Вернер Заутер в своей презентации в Интернете под названием «Научная организация и обучение в мультимедийном будущем» сообщают: «Тот объем информации, который служит научной основой в деятельности людей, является решающим производственным фактором ближайших лет: Таким простым является следующее: информация передается как объем знаний, необходимых нам в нашей деятельности. Своей предостерегающей презентацией составители убеждают, что информация является следствием нашей деятельности. Субъект этого предложения остается неизвестным (в любом случае это не человек), т.к. непрерывный перевод информации в действия ограничивается операциями технического выполнения. Вопросы о том, что отличает информацию от знаний и что является мотивацией перехода знаний в деятельность, в сущности, вообще не рассматриваются. Люди как проточные нагреватели: почему у Гамлета было так много ненужных мыслей?

Люди, цитаты которых я привожу в качестве примеров и которым идет на пользу экономическая продуктивность о «научной организации», не являются особенными. Будучи так называемыми экспертами, они развивают «виртуальные» институты, заседают в экспертных комиссиях под названием Виртуальный институт Баден-Вюртемберг. Исходя из целостности информационной и научной системы, которая для них не представляет никакой научно-теоретической проблемы, они стремятся к «виртуальной системе передачи информации и к интерактивной коммуникации».

Учащиеся общаются с преподавателями, специалистами, а также другими учащимися с помощью виртуального центра обучения. В частности, сюда относится и здесь развивается центральное обслуживание с соответствующей сетью, банк данных, а также сеть коммуникаций с наставниками и экспертами среди учащихся. Дидактику и методику необходимо развивать, точно придерживаясь системы. И в этом описании будущего бросается в глаза требующий порядка немецкий бюрократизм.

В журнале «Unimagazine», издаваемом университетом в Цюрихе, Лоренц Мюллер продолжает развивать эту идею на примере повышения квалификации. Так как предприниматели не хотят финансировать его как очное обучение, использование компьютерных технологий оказывает помощь. При таком виде занятий основная задача больше не заключается в накоплении и воспроизводстве знаний (как при получении первого университетского образования), а состоит в передаче методов и технологий, как объясняют новые науки, и может быть применима к специальным вопросам (Unimagazine. 1998. № 4. S. 2). «До сегодняшнего дня отдельные методы очного и заочного обучения сходятся благодаря опирающейся на компьютер коммуникации гибридных моделей обучения, которые предлагают самообразование: группы учащихся, работающих с компьютером, интерактивные курсы заочников (синхронное и асинхронное телепреподавание) и очное обучение. Кроме того, имеется и наглядная картинка, на которой каждое определение выделено в рамку. Выполняющими основное действие стрелочками они связаны друг с другом. Преподаватель, каковым здесь является Лоренц Мюллер, «превращается из знающего учителя в преподавателя, который сопровождает учебный процесс и оказывает помощь на консультациях». Кроме всего прочего, здесь предлагается, по мнению издателя, перспективная возможность разделения труда: один готовит содержание обучения, другой презентует это содержание. У учителей есть также прекрасная возможность обмена, который в скором будущем будет осуществляться через компьютер.

В этих и других текстах подобного рода, обещающих счастливое будущее, бросается в глаза легкомыслие, с которым употребляются сложные определения. Они совершенно спокойно употребляются даже в случаях, когда появляются сомнения относительно пользования и эффективности задуманной педагогической технологии. Этот наивный оптимизм и прежде всего образец полной производительности раздражает тех, кто из своей

практики знаком с трудностями, в частности с такой, как обратимость действительно критических исследования и обучения. Английское слово «менеджмент», которое на немецкий язык переводится как «управление», является новым волшебным словом, которое избавляет от всех традиционных проблем обучения и преподавания. Здесь не играют никакой роли странности, особенности людей, запутывающие решения, двусмысленность в интерпретировании действительности и даже волшебство общего поиска истины, учения и обучения при индивидуальном обмене, которые вот уже на протяжении столетий преподносят нам трудности. Здесь все происходит быстро и создается одним щелчком.

На эту утопию стоит взглянуть пристальнее, а не выступать, набрасываясь на экран, против техники, которая, впрочем, может быть нам полезна и, соприкоснувшись с которой, мы вряд ли захотим, да и не сможем с нею расстаться. Но на пропагандируемой ей радикальной виртуальности, на разрушении, связанном прежде всего со временем и пространством, такого учреждения, как университет, в котором встречаются в назначенном месте люди со своими интересами к науке и со своей любовной печалью, со своими особыми жизненными переживаниями и способностью абстрагироваться и быть сдержанными по отношению к себе и к другим, со своей любовью и привязанностями. Мы можем проверить, что может передаться будущему от традиционного университета, а что нет, но в любом случае надо быть осторожным, если необходимо избежать переплетения таких альтернатив.

Радикальное оспаривание призывает нас к тому, чтобы осмыслить подлинность учреждения или проекта. В этом заключается вся ценность. Не огромная ли это выгода в деньгах, и прежде всего в индивидуальной свободе, если для поиска истины не требуется ни общее место, ни здание, если все учащиеся смогут оставаться дома, проводя время за своими компьютерами и не тратя энергию на поездки, если им ничего не будет мешать ни днем, ни ночью и если они еще должны учитывать свои индивидуальные наклонности, если как государство, так и отдельные люди смогут сберечь деньги. Кроме того, все стало настолько гибким, что в любой момент можно свободно выбрать себе нового собеседника. А почему бы нам ни запрыгнуть в этот поезд просто так? Вообще, почему университеты считаются особыми учреждениями? Немного дешевле и эффективнее стало бы, если

бы более доступными стали банки данных и информационные системы, от которых каждый мог бы получить то, что ему нужно?

Изолированный пользователь в реальном мире

Здесь мы снова сталкиваемся с такими понятиями, как эффективность и реальность. В настоящее время они выдвигаются в качестве критериев успеха развития учреждений, а также университетов, не устанавливая при этом тонкую разницу их значений. О цели, для которой они были бы функциональны, можно даже не говорить. Поэтому речь здесь идет о целях университета как учреждения и о вытекающих отсюда последствиях. Тогда глобальная экономическая рациональность заключается в необходимости экономии для государства, а также в логике новых технологий, которые вдохновляют новые актуальные предложения в области реформ университетов и имеют решающие последствия не только для отдельно взятых учащихся, но также для нашего будущего образа жизни, а может быть, и для разделенного мира. Во время актуальных дискуссий по поводу реформ эти последствия, как правило, игнорируются.

Может быть, многообразие нашей личной и общественной жизни уменьшается с распространением экономизации и технологизации до одномерности технического управления. Возможно, мы действительно становимся роботами, привыкая к своему компьютеру. И мы как роботы, возможно, еще собираемся в трактирах, чтобы выпить пива, но нам нечего больше сказать, у нас не получается договориться между собой, и мы не можем рассчитывать друг на друга, т.к. нас не учили развивать свой внутренний мир, общаясь с другими людьми, да и с внешним миром вообще. Возможно, потом нас постигнут страдания, которые, как и прежде, так и сегодня отличают нас, людей, стремлением к техническим упрощениям и желанием всем распоряжаться с силой и властью, в которой условия, напоминающие гражданскую войну, не позволяют человеку, стремящемуся к знаниям, проводить время перед своим компьютером. И может быть, многообразие нашего творческого потенциала уже настолько оскудело, что нам становится трудно на что-либо решиться.

Забегая вперед, хотелось бы сказать: я не в состоянии привести логически важное основание тому, что не могло бы произойти. Я также не могу говорить о менее драматичных вариантах мораль-

ного разложения людей и уменьшения их потенциала как обязательно о неверных. Один известный коллега недавно сказал мне, что в будущем среди нас, профессоров, будет меньше ученых и преподавателей, а будут в основном менеджеры. При таком описании будущего университет теряет свое положение как место общего поиска истины, интеллектуального прогресса в области знаний, культурного обмена в целом. Одним словом, он станет не духовным началом, а бесперебойным механизмом. Тем не менее культура и духовное развитие не должны исчезнуть из общества. Но, как было сказано выше, поиск истины как методически проверенное и продуманное исследование действительности и глубокие размышления о нем потеряли бы в университете свое место. Помимо этого, появились бы дальнейшие последствия для общества, наследники которого передали бы односторонность такого образования при руководящем положении в будущем жизненном и рабочем мире.

Цели будущего университета

К вопросу о том, хотим ли мы этого, каковы другие представления об эффективности деятельности, можно сказать следующее: нам хотелось бы представить вашему вниманию цели такого учреждения, как университет, вместо его чистой экономизации и технологизации.

Обучение и образование сходятся в будущем в самоанализе

Традиционно образование и обучение являются внеэкономическими целями университета. Чаше всего эти два понятия противопоставляют друг другу. В этом случае свободное развитие личности противостоит обучению для рынка труда. Как правило, сюда относится еще предостережение, что сегодня университет мог бы больше не обучать только науке, как он занимался этим детально в прежние времена.

Глубокая неуверенность в будущем облике рынка труда делают все более неясной цель профессионального образования в юности. Мы больше не знаем, как будет выглядеть будущий рынок труда и на какие профессии должно быть направлено обучение. Более того: не следует расценивать роль рынка труда как судьбоносную, хотя нельзя при этом отрицать его влияние на

нас. Например, глобально выраженная конкуренция в экономике может вызвать различные реакции, как, например, перевод дорогостоящего производства в страны с низкой оплатой ручного труда, вместо этого можно сделать работу более интенсивнее там, где рабочая сила заменяется автоматикой, или, наконец, обратиться к способам производства, направленным на новшества. Таковыми, например, являются островное производство, установка гаражей, двигателей, коллективные формы работы. Наиболее перспективной, насколько я знаю от специалистов, является последняя. Впрочем, она требует высокой квалификации рабочих.

Итальянская фирма «Фиат» в 1994 г. хотела ввести такое новшество на своем новом предприятии в Мэлфи, однако его пришлось значительно сократить, т.к. в распоряжении фирмы находились недостаточно квалифицированные рабочие. «Фиат» сориентировал свое предприятие на то, что процент квалифицированных специалистов будет четко ограничен. Это делалось с таким расчетом, что как при теперешних обстоятельствах, так и в будущем спрос на специалистов будет меньше, работа для многих будет казаться однообразной и возникнет социальное неравенство между низко квалифицированными и высококвалифицированными специалистами. В этом случае, когда этого хотят избежать, высококвалифицированное, в основном направленное на независимость, творчество и ответственность образование может быть осмысленным, а также тогда, когда не очевидно его конкретное использование на рынке труда, т.к. оно предлагает возможности творческим предпринимателям выбирать новые пути и двигаться по ним.

Этот пример указывает на постепенно возрастающее мнение о том, что хорошее и одновременно «постоянное» образование ни в коем случае не расходится с обучением. Так как будущее считается для нас открытым и свободным, то все направлено не на получение технических навыков и не на получение информации, а на способность индивидов разрабатывать категории для пользователей информацией в целом, для «мирового опыта», чтобы через информацию добиться знаний, развивать новые идеи, брать инициативу в свои руки и сотрудничать с другими.

Все эти шаги в высшей степени требуют самоанализа. С одной стороны, он опирается на теоретическую и методическую основу информации и знаний. Одно это требует огромной выдержки, и прежде всего терпения, по отношению к неизвест-

ности, которую таит в себе любой метод и любая теория. Поэтому вообще не существует ни одной надежной и простой в обращении науки без соблюдения соответствующих условий. Это само является мельчайшим наблюдением. «В наблюдением скрыто больше, чем можно увидеть», – такое точное замечание сформулировал философ и ученый, историк Гюнтер Абель. Я нахожу скандальной эту научно-теоретическую простоту, которая лежит в основе бесчисленных высоко официальных заявлений для нового научного общества, измеренного университетским стандартом. Это делается для того, чтобы не говорить о научно-теоретическом исследовании (часто скрываемом выбором слов), как если бы знание было чем-то, что можно использовать как кочергу или пожарный крюк.

С другой стороны, самоанализ опирается на понимание, умение договариваться с другими людьми, вместе с которыми я добиваюсь знаний, принимаю участие в обмене и сотрудничаю. Кто не привык анализировать предпосылки собственных мыслей и действий, тот испытывает трудности при общении и сотрудничестве с другими людьми.

Такой самоанализ, как предпосылка будущего свободного обучения, является основным элементом образования, которое представляет собой дорогу и цель развития личности в результате просвещения. От главного значения образования при этом зависит деятельность образованной личности, деятельность, которая, как и прочее, заключается в самоанализе и в процессе которой человек превращается в морального субъекта. Образование не является удобным или престижным благом, которым располагают образованные граждане, или образованные обыватели, как их с сарказмом называл Ницше. Оно является той постоянно движущей силой, тем стремлением, с которым человек познает мир, приобретает моральную направленность и ответственность. Оно сглаживает любой опыт, а также тот, с которым мы смотрим на себя со стороны, оцениваем опыт прошлых лет и осознаем, что не существует изолированного знания, на которое личность могла бы опереться и о котором ей ни с кем не пришлось бы общаться. Прогресс от получения информации до знаний в повседневном понимании кажется, достигает роста уверенности в том, что мы говорим или воспринимаем. И этот прогресс заключается в парадоксальном убеждении о принципиальной сомнительности знаний и границ их значимости. Осведомленный знает границы и принципиальные барьеры

по отношению к любой самоуверенности лучше, чем информированный. Знание о неизвестности, о неопределенности подчеркивает прогресс в познании. «Критика чистого разума» Канта, «поворот Коперника» в теории познания, которые повторили многие современные ученые-риторики, предлагают базу, из которой исходит понимание образования. Эта позиция более современная и прежде всего более просветительская, чем многие псевдопрогрессивные, которые провозглашают информационное общество как состояние и как цель.

Когда в настоящее время появляется необходимость в повышении квалификации с кратким так называемым «периодом полураспада» знаний, то это говорит о необдуманности. Если хочешь взвесить и определить будущее университета при условии доверия компьютерной технике и увеличении объема информации, ее важно обнаружить. Конечно, специализированное знание становится действительностью не спустя три месяца, так же, как и недействительной становится информация о движении поездов, если график их движения меняется. От образования такого рода и от самих знающих, несущих ответственность за знания, зависит знание, которое нельзя, как шифр, спрятать в сейф, понять при помощи азбуки Морзе, а можно применить на практике и использовать как при общении с самим собой, так и с другими людьми. Диалоги Платона и метафизика Аристотеля остаются актуальными и сегодня, спустя уже более 2000 лет, потому что глубокие размышления при критическом рассмотрении контраргументов сохранили много обходных путей, а также, конечно, принципиально неизолированное, устойчивое значение (но оно всегда относительно или точнее взаимосвязанное).

Политическое измерение университетского образования и обучения

Когда образование и обучение при взгляде на будущее больше не представляют принципиального контраста ввиду стремительных технологических перемен, то возникает вопрос о том, связаны ли дальнейшие политические изменения намеченного на сегодня понимания образования и моральной и гражданской ответственности, для которой будущее университета еще остается значимым. Но считается ли наука «нейтральной»?

В любом случае об этом часто говорят и считают, что призвание в этой области получил Макс

Вебер. Конечно, речь здесь идет еще и о недоразумении, поскольку речь у М. Вебера шла исключительно об альтернативах, которые неизбежно появляются при любом научном исследовании. Их необходимо выявлять, и для них не требуется никаких обстоятельств. Это, впрочем, касается не только гуманитарных и социальных наук. Даже наука о природе и медицина, когда последнюю хотят выделить в качестве отдельной науки, исходят в своих методах всегда из попытки понять действительность и людей. Эти науки исключают возможность проверенных методических опытов ради дальнейших постановок вопросов и с ними связанных элементов действительности или возможных причинных связей, возникающих при исследовании.

Необходимо ли с политической точки зрения давать определение цели университета? Можно ли это сделать вообще? Не принуждает ли нас логика экономической глобализации отказываться от политического объединения, от демократии, от свободы и справедливости ради экономической эффективности, самоутверждения и испытаний? Более того, не стала ли невозможной содержащаяся в просветительском понимании образования идея о гражданской политике, о политическом обществе, т.е. об обществе ответственно поступающих граждан, которые родились в пределах национального государства? Не устарела ли эта идея, несмотря на глобализацию?

Эти вопросы ни в коем случае нельзя снимать, они ставятся совершенно реально. Впрочем, на эти вопросы не существует прямого и четкого ответа.

Остроумный человек, социолог Николас Луман со своего системно-теоретического взгляда на политику не допускал больше никаких возможностей для будущего. Политолог Фриц Шарф возражал ему, но он возражал теоретическими или эмпирическими аргументами на основании существующего, и прежде всего нормативного, может, даже морально обоснованного неистовства против того, чтобы проблемы, которые на нас лежат, пустить на самотек. Он настаивал на том, чтобы, несмотря на все трудности, сохранить позицию. Конечно, его ответ был убедителен в том, что политика образования, основанная на объяснении и объединении развития образования, которое касается нас всех, по возможности остается. Но она остается при условии, что необходима способность владеть многими языками или так называемой «мультилингвальностью». Вместе с тем важна способность людей ориентироваться во многих обла-

стях действительности и общества, говорить на различных языках, иначе мы не сможем договориться, не сможем понять внутренний мир и чувства других – другими словами, мы будем «говорить на разных языках».

Кроме того, владение языками позволяет специализировать наши знания и деятельность, не сужая при этом горизонта действительности. В противном случае это суждение приводит к искажению истины и к структурной безответственности, т.к. мы не можем предвидеть последствия наших мыслей и действий. По словам Томаса Манна, которые он произнес с долей иронии, позднее мы станем «совершенно ограниченными», а это может нам обойтись дороже. Если мы не будем искажать действительность, если хотим в дальнейшем оказывать на мир, в котором живем, свое влияние, то мы должны изучать больше языков.

Является ли сегодня гражданско-политическое измерение возникающего из просвещения понимания образования не только возможным, но и необходимым компонентом университетского образования, а вместе с тем и целью университета? Да, если для нас важно не допустить такой опасности, как заблуждение и безответственность. Да, если мы наталкиваемся на мысль о том, что жизнь на земле подобна сдерживанию насилия, которое господствует в политике и морали и связано с такими моральными и политическими проблемами, как свобода и справедливость. Да, если мы представляем себе, что дальнейшее развитие свободной демократии, требующей, как минимум, справедливости, представляет собой предпосылку для нашей жизни в этом мире. Это была бы основная цель, которой подчинялась бы экономическая эффективность университета и его технологизация.

Несмотря на то, что национальное государство все меньше решает в области политики, стоит ли это того? Да, конечно! Свободная демократия как политическая форма связана с местом и временем, потому что политика не может быть узаконена иначе, но место решающей компетенции не должно совпадать с национальным государством. Много говорится о том, что решающие области корректируются, во-первых, на надгосударственном уровне и, во-вторых, на региональном уровне либо разделяются на них. В некоторой степени это удается сделать (например, решение проблем гражданской ответственности). Эти проблемы решаются людьми, которые с ними знакомы, которые их изучили. Они занимаются этим из-за собственных интересов, либо из-за образа жизни, профессии,

либо из-за круга профессиональных интересов или мировоззрения, желания взглянуть на мир по-другому, задуматься, почувствовать других, попытаться найти с ними общее решение. Чем человек инициативнее, тем лучше.

Взаимопонимание как цель университетского поиска истины и как компетентность образованных граждан

Всеохватывающая цель будущего университета, как мне кажется, заключается в способности договариваться в разных смыслах. С одной стороны, это исследование предпосылок наших знаний, мыслей, действий, знаний различных областей наук и действительности, интересов к историческим событиям и культурным явлениям. С другой стороны, это способности, воображение и воля, способность представить себя на месте другого человека и в другом измерении, способность действовать вместе с другими в духе свободы и справедливости. И не случайно при слове «взаимопонимание» чувствуется не только кажущаяся чисто интеллектуально-познавательная, но и моральная стороны. Обе эти стороны значимы. Так как речь идет о том, что, во-первых, понять нечто новое в его логике, в его внутреннем развитии, в его последовательности – это является исконной областью исследований; во-вторых, здесь достигается жизненно важное и необходимое взаимопонимание с другими людьми, представление и готовность достичь решения конфликта мирным путем. А это становится возможным, если не замыкаться в области своих собственных знаний и собственной жизни, а покорять мир, пытаюсь узнать что-то новое. «Управление знаниями» относится к способности понимать окружающих, как игра в кегли относится к шахматам, которые, впрочем, менее спортивны и прежде всего менее веселы, чем игра в кегли.

Последствия для структуры будущего университета

Когда я в последующем изложении пытаюсь представить из цели университета структурные последствия, то мне в голову приходят не специальные положения, а ведущие мнения, которые резко выделяются на фоне развития тенденции к технической виртуализации университета, на фоне решения проблем, связанных с пространственны-

ми и временными категориями. Я знаю, что в настоящий момент нахожусь совсем не на том пути. Тем более, мне кажется, что я должна доказать свою альтернативу с помощью аргументов, а также показать другим опасности и границы, которые могут их подстергать.

Лишение наших творческих возможностей познания в виртуальном университете

Зачем нам нужно еще одно общее место, как университет, и время, где люди могли бы встречаться? Чем мы можем заменить технику? И как мы можем использовать ее для облегчения обучения в университете?

Если к способности взаимопонимания в различных областях действительности и научных дисциплинах принадлежит знание, об основных положениях, методических приемах, внутренних связях которого мы слышали, чьи элементы и представления относятся к области биологии, чьи методы доказывают во всей последовательности исследовательские процессы, чье соотношение учитывается (например, между умением пчел ориентироваться и окружающей действительностью, где они живут), – тогда способность к взаимопониманию, само собой разумеется, требует огромного количества информации. Основное значение для научного общества состоит в том, что необходимо проститься с простотой, необходимо рассматривать только отдельно взятую информацию. Как говорится, любое наблюдение, как предпосылка информации, содержит больше, чем можно увидеть (Абель). И как отражение, оно включает в себя категории и правила, от которых многое вводится в отдельные дисциплины. Новшества в исследовании чаще всего исходят из коренных изменений методических перспектив и связанных с этим категорий. Часто думая о чем-то, мы оказываемся в воспоминаниях, и те или иные факты истолковываются нами по-разному. Это является необходимым условием научного новшества. Жизненный эликсир учения и исследования – это извечная проблема. Лучше всего ее решать при конкретном обсуждении, в котором участники обсуждения могут задавать свои вопросы (причем вопросы должны быть ясными и воодушевляющими, т.к. наша школьная культура не требует расспросов напрямую).

Педагог и психолог Петер Рейманн говорил о том, что «учение не должно отделяться от ситуативного контекста, то есть ситуация, в которой

учишься, оказывает очень сильное влияние на результат получения знаний».

Принципиальное различие между общностью места и времени и техническим соединением лежит в их неизбежном выделении. Оно не представляет никакой проблемы, когда речь идет об обмене при помощи постановки вопросов или при помощи отдельной информации. Компьютер, Интернет, банки данных и прежде всего электронная почта внесли бесценный вклад в прогресс, который сделал возможным в рамках принятых правил не только устраивать дебаты, но и добывать новые знания и получать новые результаты или, что намного проще, но исключительно необходимо, договориться между собой, достичь соглашения. Проблема возникает там, где нарушаются границы правил. Классическим случаем считается университетское образование, основная задача которого – точное и как можно более полное наблюдение, будь то природные элементы, будь то тексты, таблицы, социальные ситуации или болезни. Я не оспариваю тот факт, что мы, сокращая познавательное восприятие, можем общаться друг с другом, что для обмена информацией достаточно доступа в Интернет. Но университет, связанный с пространством и временем, лишается богатства познания, глубины самоанализа и творчества, которые потенциально дарованы нам, людям. И то, что мы можем сохранить здесь в экономическом отношении, можем потерять в творческой сфере.

Значение взаимного подъема и психологического укрепления в реальной коммуникации

Конкретное сотрудничество на месте имеет большое значение, но не только из-за точки зрения познания, важными также являются психологические аспекты и прежде всего мотивации к психической уверенности. Вильгельм Гумбольдт не говорил об альтернативах виртуального университета без времени и пространства, но мотивирующий момент, приводящий к воодушевлению, он рассматривал серьезнее, чем те, которые верили, что могут основать научное творчество только на технологической и экономической рациональности. Язык Гумбольдта относится ко времени модернизма, но некоторые говорят, – ко времени постмодернизма.

Энтони Гидденс, социолог из Кембриджа, в своем анализе действительности разработал принципиальное осознание того, что такое риск и безо-

пасность, и ввел их как центральные обозначения, указал на последствия для отдельных людей и для науки. Сомнения, неуверенность и страх являются признаками нашей действительности, а действительность разрушает все устоявшиеся понятия, пока мы окончательно не утратим понимание того, что же такое действительность в философском и научном смысле. В нашей жизни мы приобретаем опыт, как правило, через повседневную жизнь. Мы ведем себя так, как будто не существует неуверенности. За всем этим скрывается хаос.

Университетское образование имеет центральную задачу, что кажется само собой разумеющимся, которая заключается в осознании проблем повседневного бытия. Эта принципиальная позиция отношения к миру дается не просто тяжело, она еще и психически забирает очень много энергии. При общении с первокурсниками можно каждый раз заново переживать незащищенность, неуверенность, которая вызывает научно-методические вопросы. Особенно умные и впечатлительные учащиеся могут из-за этого быть поставлены под серьезную угрозу. И так как отход к ошибочной теоретической надежности невозможен, творческий потенциал нуждается в принципиальной психической надежности, иначе не будет поддерживаться безграничность научных и философских вопросов. Тогда остается только принципиально другое измерение эмоциональной поддержки, зависящей от детского опыта. И сегодня мы зачастую не можем к нему вернуться. Намного важнее для нас должна быть надежность дружеских связей и внеинтеллектуальной, эстетической или спортивной деятельности. Эта надежность необходима нам затем, чтобы оградить нас от глубокой незащищенности, от страха, разочарований, пессимизма, она дает нам мужество пойти на риск познания и этим защитить наш творческий потенциал. Только тот, кто не знаком с приключениями, аферами и бездной сомнений, кто сам придерживается в науке защиты опыта, может понять такие соображения как далекие науке или как речь в защиту свободного времени.

Настоящие дружеские отношения возникают между людьми, которые общаются не только виртуально. Они дают возможность испытать и узнать взаимопонимание и надежность, которые являются фундаментом в жизни, который служит для деятельных отношений. Кроме того, способность к взаимопониманию предполагает наличие мирового опыта и социальной компетенции. Виртуальный университет вряд ли сможет заставить нас

приспосабливаться к другим людям, пытаться понять их поведение. Общеизвестная оторванность, отстраненность профессоров от жизни, которая поощрялась и поощряется распределением ролей между мужчинами и женщинами и в течение жизни, как и прежде, обеспечивается женщинами, – я бы позволила себе такое феминистское замечание, – имела по временам что-то трогательное, волнующее. И в университете будущего она не должна стать правилом (даже если всегда будет возможность проводить исследования в отрешенности от мира!).

Таким образом, способность к взаимопониманию, когда она является целью университета, препятствует его виртуализации. Виртуальный университет вынуждает нас взаимодействовать с другими, пытаться понять их поведение. Компьютерная техника предлагает нам дополнительную помощь, ускоряя передачу информации. Но знание можно получить лишь тогда, когда люди будут встречаться в каком либо месте, где они могли бы исчерпать весь свой потенциал способности к познанию. Совместное пребывание защищает от отчаяния, которое может возникнуть из-за безграничности научных проблем, и предлагает жизненный опыт как социальную компетенцию. Оно также нуждается и во взаимопонимании. При этом практическая ценность заочного обучения, которое во многих ситуациях оказывает неоценимую помощь, должна быть неоспорима. Но заочное обучение не должно заменить университет, а должно остаться крайней мерой, вынужденным решением.

Обозреваемые единства,
интернациональность
и междисциплинарность исследования
и обучения

Я хотела бы еще раз обратить внимание на три других структурных последствиях, вытекающих из цели университета: необходимость сохранять общение с другими, а также стремление к интернациональности и междисциплинарности университетского обучения и исследования.

Я хотела бы остановиться на том, что именно массовые университеты должны видеть особую конкуренцию и характер обучения. Такие университеты ориентированы все меньше на творческих и оригинальных учащихся, что ведет к будущей декартизации.

В интернациональности мне кажется важным то, что она важна не только из-за престижа или

из-за надежности в рабочих местах для выпускников. И этот факт нельзя недооценивать. Европейский университет Виадрины наряду с новым учебным курсом на факультете культурологии и на научно-экономическом факультете притягивает большое количество занятых, т.к. в Средней и Восточной Европе имеется многообещающий рынок труда.

Но речь идет о том, что в интернационализации университета встречаются различные исторические и культурные особенности мышления и образа жизни, менталитет, что могло бы помочь достигнуть соглашения. К тому же было бы немаловажным изучать по крайней мере два иностранных языка. Английский язык важен как *lingua franca*, но если английский в будущем станет языком преподавания, мы не должны забывать, что на нем тоже можно общаться и выразить то, что люди хотят и могут выразить на родном языке. Еще и потому так важна коммуникация студентов из разных стран.

Тема междисциплинарности – это особая тема. Кто уже имел дело с междисциплинарными исследованиями, тот знает, насколько тяжело разбираться в междисциплинарном знании. Можно говорить о том, что характер отдельных дисциплин такой разный, что кажется невозможным понять его. Коллеги морщат носы при упоминании этого понятия и противопоставляют ему профессиональность. При этом они хотят спасти серьезность и углубленность, которая может быть соблюдена лишь в рамках дисциплины. Это всегда происходит за счет выделения дальнейших областей действительности, включение которых мешало бы, потому что это включение требует других методов. В общественных науках, например, количественный опрос населения или качественное исследование биографии вряд ли смогут что-либо сделать друг с другом, хотя мнения при этом все же очень тесно связаны. Чем больше действительность будет рассматриваться ради методической «чистоты» или скорее ради профессионализма, тем больший ущерб принесет это значению результатов исследования. И хотя аналитически можно предвидеть многие ситуации, но, как правило, действительность при этом отсутствует.

Несколько лет назад Юрген Миттельштрап предложил в качестве выхода из этой дилеммы понятие трансдисциплинарности. При этом он отменил требование объединения одновременно различных дисциплин. Все-таки это был бы принцип, что нельзя терять из вида границы отдельных областей. Это взгляд на то, что науч-

ные новшества появляются часто лишь тогда, когда исследование переходит установленные границы дисциплин. Все это оказывает неоценимую помощь в развитии способности к взаимопониманию.

Последствия для критериев развития и альтернативной структуры университета

Наконец, цель взаимопонимания имеет последствия для решающей структуры будущего университета и для критериев развития. Многолетний вызывающий опасения опыт в особенности массовых университетов привел к проведению продуманных реформ. Разочарование в том, что это настолько тяжело, утвердило общую тенденцию централизации решающих компетенций внутри университетов, чтобы стимулировать успеваемость и внедрять новшества. В критериях этих успехов лежит основное значение лица такого учреждения как университет. Но по этой модели они рассматриваются по отдельности. Очевидно, больше не верится в то, что ученые могут проявить в смысле просвещения столько здравого смысла, чтобы суметь договориться. Но если в централизации рациональное рассуждение заменяется предписанием, если необходимость аргументировать приходится на деканов или ректора, а также на других сотрудников университета, то разнообразие важных аргументов теряется. Теряется также и мотивация, которая происходит из добровольной договоренности. При этом увеличивается опасность неправильного развития.

По сути дела, речь здесь идет о классической проблеме, пойдет ли на пользу обществу в целом или отдельным людям философское царство Платона или умеренная форма правления Аристотеля? Готовность, разделение власти как признаки умеренной формы правления перед лицом трудностей идут в пользу приобретения власти. Обсуждению подлежит и тот вопрос, где же все-таки, если не в университете, можно ожидать рациональности, способности и готовности аргументировать, которые относятся к пониманию совместной работы в условиях конфликта. Где, если не в университете, то место, где будут заниматься методическим анализом, который находится в тесной связи с мышлением, или где это должно по крайней мере

существовать? Очень невероятно и то, что в этом месте могло бы иметь значение одновременно два противоположных принципа – свободное аргументирование и беспрекословное выполнение. Культуру учреждения нельзя поменять в одно мгновение. Поэтому, я думаю, нужно найти соответствие между целью взаимопонимания и структурой университета.

Это также относится и к экономически редуцированному пониманию эффективности. Она могла бы быть высшей целью. Если она направлена на взаимопонимание между сотрудниками университета, то рациональное использование финансов можно было бы сравнить с этой всеохватывающей целью, которая специфицирует отдельные виды деятельности в университете. Но его ни в коем случае нельзя сравнивать с тем, что университет дает чистые данные. В любом случае это не защита косности и халатности. Но во времена децентрализации финансового суверенитета и так называемого бюджета мне кажется важным указать на то, что это ведет к дегенерации университета. Например, отдельные факультеты при новых бюджетных моделях, как предприятия или банки, дают друг другу кредиты. Постепенно все направляется только на то, чтобы получить выгоду. Такие модели действуют на современном уровне и не дают сразу распознать последствия, которые несет с собой умение всего университета приспосабливаться к логике капиталистического хозяйства.

Говоря абстрактно, это воздастся, когда различные логики оттесняются из отдельных общественных областей – образования, искусства, культуры, здравоохранения, права, технического общения по соображениям единственной экономической рациональности. Это не моральный, а скорее антиморальный вопрос общественной жизни. История нас учит, что общество растет, если оно бережет внутреннюю динамику и многообразие, из которого оно может создать неожиданную ситуацию для своего будущего.

В начале было Слово, или Дух. Если университет хочет сохраниться для нашего будущего, тогда он должен оставаться духовным местом, которое никогда не потеряется, через границы которого можно пройти и глубокий смысл которого состоит в том, что университет продолжает жить как образование.